

Столица. Семья Янь

Поднебесная. В ее сияющей Столице всегда кипела жизнь, притягивая к себе сильных мира сего.

Будь то древние кланы с вековой историей, дерзкие выскочки из числа новой элиты или почтенные династии — здесь, в самом сердце страны, находилось место всем.

В столице колесо власти вертелось куда быстрее, чем в провинциях. Семейные союзы здесь рождались и гибли в мгновение ока: вчерашние соратники, клявшиеся в вечной верности, сегодня без колебаний вонзали друг другу нож в спину. В этом кругу безраздельно властвовал холодный расчет. Впрочем, случалась и настоящая, испытанная временем дружба — мир устроен справедливо, и рядом со стервятниками всегда находились те, для кого честь оставалась не пустым звуком. Извечная драма: пока одни молодые преемники упорно ковали величие своих фамилий, другие бездумно прожигали жизнь. В конце концов, каждый сам выбирал свою судьбу.

Семья Янь принадлежала к числу тех немногих великих домов, чья история насчитывала более двух столетий. В элитных кругах они славились безупречной репутацией и строгими моральными устоями. Спустя десять лет после основания обновленной Поднебесной, то есть около ста шестидесяти лет назад, представитель рода Янь впервые занял высший государственный пост. С тех пор этой вершины удостаивались трое выходцев из их семьи. Последним из них был нынешний старейшина Янь, оставивший бразды правления девятнадцать лет назад. И вот теперь, менее чем через год, стране предстояли новые выборы.

По законам Поднебесной верховный лидер избирался сроком на пять лет с правом лишь одного переизбрания. Десятилетний лимит надежно оберегал страну от возрождения абсолютизма и застоя, обеспечивая Поднебесной устойчивое развитие и процветание.

И все же, несмотря на отсутствие монархии, ведущие кланы оставались негласными правителями государства. И семья Янь по-прежнему занимала среди них особое, почетное место.

Однако последние два года принесли дому Янь череду суровых испытаний.

Два года назад вторую ветвь семьи постиг тяжелый удар: сорокапятилетний Янь Тинчу стал жертвой искусной интриги политических оппонентов. Влиятельный региональный чиновник едва не оказался за решеткой. Избежать тюрьмы удалось лишь чудом, но платой за свободу стало так называемое «равнозначное перемещение» на окраину страны, в глухой и нищий регион. Одно дело — править богатой центральной провинцией, и совсем другое — прозябать на задворках Поднебесной. Если в ближайшие десять лет Янь Тинчу не сумеет вернуться в столицу, его блестящей карьере придет конец, и он так и останется провинциальным наместником до самой пенсии.

Для обычного чиновника подобное назначение показалось бы пределом мечтаний, но для

могущественного клана Янь ссылка выдающегося политика в глушь означала лишь одно — фигуру фактически убрали с шахматной доски.

Старший брат Янь Тинчу, пятидесятидевятилетний Янь Тинцзюнь, возглавлял ключевое министерство в столице и считался одним из главных фаворитов на предстоящих выборах верховного лидера. Но год назад поползли зловещие слухи: поговаривали, что министр Янь тяжело, возможно, неизлечимо болен. Хотя семья Янь яростно опровергала эти сплетни, дыма без огня не бывает.

Безупречное здоровье — обязательное условие для того, кто претендует на высший пост. Политическая арена столицы жестока, соперники клана только и ждали удобного момента. Девять месяцев назад худшие опасения подтвердились: министр Янь потерял сознание прямо в своем рабочем кабинете. Обследование выявило раннюю стадию рака на фоне тяжелого цирроза печени. И хотя формально он сохранил за собой министерское кресло, фактически Янь Тинцзюнь отошел от дел и теперь почти безвыездно находился дома.

Но судьба не пожелала на этом остановиться. Спустя полгода после болезни отца страшная беда постигла его старшего сына. Двадцатипятилетний Янь Хань, гордость и надежда старшей ветви рода, служил в элитном спецподразделении. Во время выполнения опасного задания он попал под взрывную волну. Осколки изуродовали его лицо, а травма позвоночника лишила возможности ходить. Некогда блестящий офицер оказался прикован к инвалидному креслу.

Янь Хань был самым одаренным среди третьего поколения семьи. В свои двадцать пять он уже носил звание полковника, имел множество боевых наград, и в штабе поговаривали, что до конца года ему присвоят звание генерал-майора. И то, что этот ослепительный самородок в один миг превратился в искалеченного затворника, стало для семьи сокрушительным ударом. Ведь для любого великого клана преемственность поколений и сильные наследники — это сам залог выживания.

На семью Янь словно обрушилось древнее проклятие. Трагедия с сыном подкосила и без того слабое здоровье министра Янь, а престарелый старейшина Янь слег с тяжелейшим недугом. Если бы не железная воля старого вождя, сумевшего победить болезнь, великий клан уже тогда мог покатиться по наклонной, растеряв все свое влияние.

Но даже теперь все понимали: если министр Янь угаснет, а его младший брат Янь Тинчу так и не сможет очистить свое имя и вернуться из ссылки, падение неизбежно. Враги не дремали. За последний год многие ключевые фигуры из фракции Янь подверглись нападкам, лишились постов или оказались под следствием. Лишь авторитет все еще живого старейшины удерживал ситуацию от полной катастрофы.

Политическое и военное влияние дома Янь оставалось колоссальным, но даже самый могучий бастион падет, если его осаждают со всех сторон, а внутри некому держать оборону.

Спасение пришло с неожиданной стороны. В этот критический момент щитом для клана стал второй молодой господин из младшей ветви — Янь Чуаньюнь. Он не пошел по стопам отца и

дяди в политику или армию, а посвятил себя бизнесу. Возглавляемый им Концерн Янь обладал колоссальными ресурсами и огромным влиянием. Под руководством Янь Чуаньюня компания запустила несколько важнейших национальных проектов в сфере медицины, образования и высоких технологий. Им удалось обойти передовые разработки зарубежных конкурентов из государств Q и R, что вызвало небывалый патриотический подъем. В глазах простых граждан Концерн Янь превратился в символ честного бизнеса и национальной гордости.

Безупречная репутация в народе связала руки врагам семьи Янь. Они не смели действовать открыто. Ослабить великий клан сообща — это одно, но попытаться уничтожить его — совсем другое. К тому же альянсы их противников строились исключительно на корысти, и между ними самими то и дело вспыхивали раздоры.

И главное — старый вождь все еще был жив.

Именно благодаря стойкости и уму Янь Чуаньюня семья сумела пережить самый темный час. Однако временная передышка не отменяла очевидного: если старейшина Янь уйдет из жизни, а Янь Тинчу не вернется в столицу, очистив свое имя, клану придется уступить свои позиции новому поколению хищников.

В этих обстоятельствах спасение жизней Янь Тинцзюня и Янь Ханя стало для семьи первоочередной, жизненно важной задачей.

Состояние министра Янь благодаря ранней диагностике и лучшему медицинскому уходу пока удавалось держать под контролем.

Но положение Янь Ханя оставалось отчаянным. После нескольких пластических операций его лицо удалось частично восстановить, вернув ему человеческий облик, но ноги оставались неподвижными. Никакие передовые методы лечения не давали результатов. Хуже того, в последнее время его начали мучить жестокие судороги, терзавшие его каждую ночь по нескольку часов, а порой и до самого рассвета. Наблюдать за тем, как этот сильный, некогда блистательный юноша медленно сгорает от непрекращающейся боли в своем персональном аду, для близких было невыносимой мукой.

Старинная усадьба сыхэюань семьи Янь

Поздним вечером Янь Чуаньюнь вернулся в старинную усадьбу сыхэюань семьи Янь.

Сейчас под крышей старинного сыхэюаня обитало почти все семейство. Тяжелобольной Янь Тинцзюнь, когда его отпускали из госпиталя, жил здесь под присмотром своей супруги Фан Мэйюнь. Изувеченный Янь Хань тоже проводил тут все время между госпитализациями. Их тринадцатилетняя дочь Янь Ми, несмотря на статус семейной любимицы, росла удивительно тихой и послушной девочкой. С раннего детства она страдала от тяжелой формы астмы, из-за чего ей приходилось тщательно оберегать себя от любых потрясений — как радостных, так и печальных. Любая сильная эмоция могла спровоцировать смертельно опасный приступ, и эта вынужденная сдержанность со временем превратилась в ее вторую натуру.

Из представителей младшей ветви в усадьбе обосновались мачеха Янь Чуаньюня, приходившаяся ему также родной тетей, Цзян Силян и ее четырнадцатилетний сын Янь Хуйфэн.

К счастью, огромная традиционная усадьба была настолько просторной, что места с избытком хватало всем.

— Чуаньюнь, ты вернулся?

Навстречу ему шла Цзян Силян. В свои сорок один год она выглядела потрясающе молодо — ухоженная, со светлой гладкой кожей, она легко могла сойти за тридцатилетнюю. До семи лет Янь Чуаньюнь искренне любил тетю, которая души не чаяла в его покойной матери. Но все изменилось в тот день, когда Цзян Силян вошла в их дом в качестве новой жены его отца, будучи уже на шестом месяце беременности. С тех пор Янь Чуаньюнь ни разу не улыбнулся ей. Его лицо при встрече с ней всегда оставалось холодным и непроницаемым, как лед.

Вот и сейчас он лишь скользнул по ней равнодушным взглядом и, не проронив ни слова, прошел мимо.

Цзян Силян давно привыкла к подобному обращению. Почтительно отступив назад, она пошла следом и негромко произнесла:

— Твоему дяде сегодня нездоровилось, прихватило сердце. Он принял лекарство и рано лег спать. А вот Янь Хань... за ужином он был бледнее обычного. Боюсь, приступы боли в ногах снова усилились. Он наотрез отказывается звать врача и принимать анальгетики. Сходи проведай его, пожалуйста.

Янь Чуаньюнь опустил ресницы. Не замедляя шага и ничего не ответив, он направился к комнате старшего брата.

Цзян Силян не стала докучать ему своим присутствием. Она дожидалась его в холле исключительно ради того, чтобы сообщить о состоянии племянника.

— Мама, — к ней подошел четырнадцатилетний Янь Хуйфэн. Он молча проводил взглядом удаляющуюся фигуру брата и остановился рядом с матерью. — Завтра у нас в школе начинаются промежуточные экзамены. Если я займу первое место в параллели, я хочу сдать программу экстерном и сразу перейти в выпускной класс средней школы.

Цзян Силян вздрогнула и резко повернулась к сыну:

— Что ты сказал?

— Я хочу перескочить через класс и пойти сразу в девятый.

На мгновение воцарилось молчание.

— А потом? — тихо спросила Цзян Силянъ.

— А после выпуска я подам документы в военную академию.

Женщина медленно прикрыла глаза, справляясь с нахлынувшими чувствами. Спустя пару секунд она снова посмотрела на сына.

— Ты хорошо все обдумал?

— Да. Я все решил. Я хочу стать военным.

— Сегодня вечером я поговорю с твоим отцом, — ровным голосом ответила Цзян Силянъ. — Если он не станет возражать, я мешать не буду.

— Спасибо, мама, — негромко отозвался Янь Хуйфэн и, развернувшись, пошел к себе.

Цзян Силянъ сделала глубокий, прерывистый вдох и тоже ушла в свои покои.

Янь Чуаньюнь не слышал их разговора. В этот момент он уже стоял перед дверью спальни брата.

Раздался негромкий стук.

Прошло добрых две минуты, прежде чем из-за двери донеслось глуховатое:

— Войди.

Толкнув тяжелую створку, Янь Чуаньюнь вошел внутрь. На просторной двуспальной кровати под черным шелковым покрывалом полулежал Янь Хань. Лицо его было жестоко изуродовано шрамами — современные хирурги совершили почти чудо, собрав его по частям, но его нынешний облик все еще мог до смерти напугать любого ребенка. Тонкий плед укрывал его неподвижные ноги, пряча от чужих глаз трагедию когда-то непобедимого бойца.

Янь Чуаньюнь подошел ближе и внимательно всмотрелся в осунувшееся лицо брата.

— Брат, сегодня ты выглядишь хуже, чем обычно.

Янь Хань попытался улыбнуться, но шрамы стянули кожу, превратив улыбку в бледную тень

прежней.

— Разве? Я и не заметил. Да бог со мной, ты лучше о себе подумай. Последние полмесяца ты возвращаешься домой не раньше девяти вечера. Нельзя так изнурять себя работой. Зачем ты платишь огромные деньги штату топ-менеджеров, если все равно тащишь этот воз в одиночку?

<http://bllate.org/book/18354/1760590>